

Российский свояк римского кесаря

ЧАСТЬ III. ОКОНЧАНИЕ
НАЧАЛО В №№ 11–12/2018

◀ Царевич Алексей Петрович

После трехмесячного ожидания терпение царя лопнуло и он решил расширить поиски, используя всю мощь своего сыскного ведомства. Постоялые дворы по пути в Австрию наполнились странными нищими, которые выпрашивали подаяние у приезжих и в то же время расплачивались за обеды в трактирах золотыми гульденами, а также польскими офицерами, якобы проигравшими свое состояние в карты, с большим пристрастием осматривавшими экипажи, пытаясь найти в них своих доверенных лиц с долгожданным денежным вспоможением. Среди паломников, следовавших в Рим для получения благословения у Папы, оказалось неожиданно много больных и неимущих, которые осели на тех же постоянных дворах и вели бесконечные беседы на религиозные темы, при этом не забывая пристально наблюдать за происходящими событиями. Но и этот хорошо организованный маскарад пока не давал никаких результатов.

В свою очередь очень общительный и «приятный во всех отношениях человек» Веселовский к началу апреля уже провел частные беседы со всеми высокопоставленными чиновниками венского двора. Все они охотно пили хорошее вино, толковали о погоде, видах на урожай, музыке и, конечно же, о лошадях и женщинах. Но как только резидент заикался о царевиче, приятность беседы сразу исчезала. «Позвольте! – говорили они. – Ведь царевич ехал в Амстердам к отцу, не так ли? Ну а если это так, то его и искать надобно где-нибудь в Голландии, но никак не в Вене». Намеки же на взятку они вообще пропускали мимо ушей, будто были абсолютно глухими. Резидент, будучи опытным дипломатом, больше внимания обращал не на слова, а на поведение собеседников. Их вид говорил: «Конечно, мы лжем! И ты это прекрасно знаешь! Но сказать правду мы не можем!».

▲ Замок Эренберг в Тироле, где скрывался от отца царевич Алексей

Веселовский с удвоенной энергией продолжил охоту за фактами, правда, теперь в поле его зрения попали чиновники более мелкого ранга. Вскоре случай свел его с референтом тайной канцелярии Хоффбурга, которого привлек звон благородного металла в карманах резидента. Он сообщил Веселовскому сведения о том, где содержался «очень важный арестант, представлявший больший интерес для резидента». Веселовский тотчас изъявил желание отдохнуть и подышать свежим воздухом Тироля. Там он посетил все близлежащие к Эренбергу кабаки и трактиры, где ему подтвердили, что в крепости с середины декабря действительно содержится очень важный преступник, который якобы пытался убить кесаря.

Возвратившись в Вену, 8 апреля резидент передал Карлу письмо Петра, написанное еще осенью в Амстердаме, в котором он просил выдать ему сына, если тот находится в Австрии. После ряда «тайных конференций» с участием кесаря было решено с ответом несколько подождать, а тем временем перевезти царевича из Тироля в более отдаленное место.

Этот план казался чиновникам безупречным, ведь они не знали о целом полчище шпионов, которых Петр посадил на всех австрийских дорогах. Операция началась. Царевичу показали копию петровского письма к кесарю и сообщили о том, что его прибежище открыто Веселовским. Письмо отца и особенно его последняя фраза об отправке сына «на исправление» очень испугали Алексея, и он стал быстро бегать взад и вперед по комнате, повторяя одно и то же: «Что делать? Что делать?». Тогда ему было предложено переехать в более укромное место в Неаполе, но для большей скрытности переезда всю прислугу оставить в замке, а с собой взять только Евфросинью, переодетую в мужское платье.

Долго уговаривать сильно напуганного царевича не пришлось, и уже на следующий день его повезли в Италию. В дороге от страха быть пойманным царевич крепко запил, о чем сопровождавший докладывал в Вену: «Употребляю все возможные усилия, чтобы удержать компанию от сильного и весьма частого пьянства, но тщетно...» (далее следовало число выпитых бутылок).

Через несколько дней после отъезда Алексея в Италию из Вены ушел ответ Петру в выражениях, присущих тому веку. Начинался он примерно так: «Кесарь и весь венский двор разделяют великое горе отца, который потерял своего сына, и будут бесконечно счастливы, если узнают, что он снова в объятиях отца...». Однако несколькими днями раньше Веселовский уже оповестил Петра о месте пребывания его сына, поэтому ответное письмо из Вены вызвало у царя лишь ехидную ухмылку. Осталось подождать несколько дней и, если никаких сведений о перемещении царевича не поступит, послать к кесарю доверенное лицо с требованием о выдаче Алексея. Но такие сведения поступили: поручик Румянцев, руководивший всей агентурой, получил сообщение о том, что из Тироля в Италию едет некий кавалер «с персоной женского пола пышного телосложения в мужском одеянии». Конечно же, Румянцев сразу же понял, что эта пышная особа женского пола – не кто иной, как Евфросинья, ибо ее дамские прелести невозможно было скрыть никакими мужскими одеяниями. Вскоре поступили депеши и от других агентов, знавших Алексея в лицо. К 17 мая, когда несколько утомленный дорогой и пьянством царевич прибыл в Неаполь, о том, что искать его следует в замке Сант-Эльмо, немедленно сообщили гуляющие польские офицеры, странники и таинственные нищие.

В тени пальмовых рощ у Алексея потихоньку прошел страх перед отцом и родилась мысль обратиться с посланиями к своим соотечественникам – к Сенату и к духовенству. В них он сообщал, что находится в полном здравии, а из России уехал от страха быть постриженным в монахи, но непременно вернется, когда на то будет воля Божья, и «все большие неправды, столь сильно всех притесняющие», непременно уничтожит. Сейчас же и впредь до того он будет находиться под «протекцией некой высокой особы». Послания эти австрийские чиновники обещали непременно переслать в Россию, но для соблюдения скрытности – «окольным путем». В действительности же они были отправлены в секретный архив Хоффбурга.

Получив исчерпывающую информацию о сыне, 26 июля Петр послал в Вену Румянцева и опытного дипломата Толстого «домогаться» выдачи царевича, обещая ему полное прощение в случае возвращения в отчество. В случае отказа выдать царевича Толстой должен

Кандидат в нотариусы
МАГ. КРИСТОФ КОШЕЛЬ
говорим по-русски
работаем также и в Вене

ÖFFENTLICHER NOTAR
DR. MATTHIAS MLYNEK, LL.M., MBL
MAG. CHRISTOPH KOSCHELL,
КАНДИДАТ В НОТАРИУСЫ

• НОТАРИАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ

- УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК**
- ДОГОВОРЫ (купли-продажи, мены, залога, брачные договоры)**
- РЕГИСТРАЦИЯ КОМПАНИЙ**
- ОФОРМЛЕНИЕ ЗАВЕЩАНИЙ**

Тел.: 0677 612 095 31
Факс: 02279 260 017-50

A-3470 Kirchberg am Wagram
Marktplatz 27/2

c.koschell@notar-mlynek.at
office@notar-mlynek.at

был требовать встречи с ним, чтобы уговорить его вернуться домой. Если же никакие представления на кесаря не подействуют, то надобно было объяснить ему, что такой поступок царь «примет за явный разрыв отношений и будет мстить за обиду своей чести». По приезде в Вену Толстой представил письмо царя с требованием немедленной выдачи сына и стал ждать ответа.

Совещания по этому вопросу в Хоффбурге были весьма длительными и несколько необычными, так как в них принимала самое непосредственное и активное участие общая теща Карла и Алексея. Она считала, что зять ее Алексей, человек никчемный и даже злой, виновный в том, что ее прекрасная дочь Шарлотта преждевременно ушла в мир иной, ничего, кроме пакостей Австрии, после своего восхождения на российский престол не сделает. А если разрыв Петра с сыном довести до крайности, то от этого могут пострадать ее ни в чем не повинные внучки. Поэтому она предложила отправить Алексея к отцу «на исправление». Но выдать родственника римского кесаря представителю российского царя против его воли, как разбойнику с большой дороги, было бы неприлично. В итоге было найдено соломоново решение: требование царя о выдаче сына оставить без удовлетворения, но при этом разрешить Толстому ехать в Неаполь, чтобы попытаться уговорить Алексея возвратиться домой в Россию.

В начале осени Толстой и Румянцев прибыли в Неаполь, который по Уtrechtскому миру находился тогда во владениях Габсбургов. К тому времени Даун, управлявший данной провинцией Италии, уже получил из Вены подробную инструкцию, следуя которой он должен был всячески способствовать достижению добровольного согласия царевича на возвращение к отцу. В том случае, если Алексей никаким убеждениям не поддается, необходимо было уверить его, что он может оставаться под протекцией кесаря. При этом требовалось внушить царевичу, что ему будет проще примириться с отцом, если он «отпустит» от себя «персону женского пола». С этого последнего пункта и начал действовать Даун еще до приезда посланцев царя. Но высокопоставленный беглец проявил в этом вопросе неожиданную твердость: если отец гневается на него за эту женщину, то почему бы и ему для на-

▲ Граф Александр Иванович Румянцев (1680–1749) – русский дипломат и военачальник. С конца 1716 года следил за передвижениями царевича Алексея Петровича от Австрии до Неаполя

▲ Граф Петр Андреевич Толстой (1645–1729) – государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра Великого, один из руководителей его секретной службы, действительный тайный советник

чала не отпустить от себя зловредную маечуху, у которой родственники тоже корон на головах не носили.

По приезде посланников Петра в Неаполь Даун пригласил царевича в свой дом и передал ему письмо от отца, в котором среди прочего было написано: «Я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешься и возвратишься». Но при этой встрече от испуганного до смерти царевича невозможно было добиться ни слова – он страшно боялся, что прибывшие тотчас же «наложат на него руки». В Вене тоже не исключали такого исхода дела, полагая, что от московитов можно ожидать чего угодно.

Алексей чувствовал всю шаткость своего положения и был недоволен, что Даун, вместо того чтобы выгнать взашей из владений кесаря посланников Петра и оставить его в покое, выманивал его из замка.

Через день Алексей вновь был приглашен в дом к Дауну, где ему пришлось выслушивать угрозы Толстого: «Император не станет тебя удерживать и вступать во вражду с твоим отцом. Царь будет считать тебя изменником и не отстанет до тех пор, пока не добудет тебя живым или мертвым. Мне приказано не удаляться отсюда, прежде чем я возьму тебя. Куда бы тебя ни увезли, я буду за тобой ездить по следам». И без того сильно напуганный царевич после такой тирады окончательно растерялся. Как же так? Представитель императорской власти в своем присутствии допускает наглое и грубое запугивание гостя и родственника

самого кесаря! Руки Алексея инстинктивно впились в рукав камзола Дауна и потащили его в соседнюю комнату, чтобы задать вопрос – будет ли ему покровительствовать его родственник кесарь, если отец станет домогаться его вооруженной рукой? На это он получил вроде бы утвердительный, но очень дипломатичный ответ: «Не обращайте внимания на угрозы. Его Императорское Величество очень желает вашего примирения с родителем, но если Вы не считаете свое возвращение безопасным, то извольте оставаться. Его Императорское Величество настолько могущественно, что может охранять тех, кто отдается под его протекцию». Такой ответ несколько приободрил царевича, и он тотчас заявил Дауну, что ни за что, ни под каким видом не хочет попадаться в руки отца. Но в силу своей слабохарактерности сказать то же Толстому не смог, обещал подумать и ответить позже, что и стало его роковой ошибкой. Заявил бы он об этом твердо, добавил бы, что отказывается от всех претензий на престол и его следует рассматривать как частное лицо, тогда Дауну ничего бы не оставалось делать, как порекомендовать посланцам царя убраться вовсюси.

После разговора царевич заперся в своем замке, приказав Толстого к нему не пускать, а новое приглашение Дауна отклонил. Вопрос опять завис в воздухе.

Сложившейся обстановке Даун должен был действовать более решительно: проникнуть вместе с Толстым к Алексею и добиться, наконец, окончательного ответа. Так они и сделали, но царевич чувствовал себя дома более уверенно и объ-

▲ Вирих Филипп Лоренц фон унд цу Даун (1669–1741) – граф, князь фон Теано, австрийский полководец, фельдмаршал, вице-король Неаполя в 1707–1708 и 1713–1719 годах

явил, что должен еще подумать, а когда будет готов с ответом, сам поставит об этом в известность. Толстой предлагал попугать царевича, представив ему проекцию кесаря не такой уж надежной, но Даун был образцовым чиновником и отказался выходить за рамки данной ему инструкции, невзирая на обещание крупной взятки.

Тогда Толстой обратился с тем же предложением к секретарю Дауна Вайнгарду, который оказался куда более покладистым, чем его патрон. Всего лишь за 160 червонцев, исходя из отчетов Толстого, он согласился провернуть это дело государственной важности.

УСЛУГИ И КОНСУЛЬТАЦИИ РИЕЛТОРА

**КУПЛЯ-ПРОДАЖА И АРЕНДА НЕДВИЖИМОСТИ
НЕДВИЖИМОСТЬ В АВСТРИИ КЛАССА ЛЮКС
Бесплатная оценка недвижимости на продажу!
Риелтор с действующей лицензией и суд.-сертификатом
переводчик рус. яз. маг. Ина Бодоссова**

+43 (0) 664 277 57 42

www.a-class.at

S-TEAM Development GmbH:

► Ремонт любой сложности и на любой бюджет: от косметического до капитального!

► Комплексные строительные решения «под ключ»

Тел.: +43 664 755 00 585 • E-mail: info@s-team.co.at
Web: www.s-team.co.at

Вайнгард отправился к Алексею и, осведомившись о его здоровье, как бы о себе лично стал говорить, что «императорская протекция не совсем надежна. Если царь объявит, что прощает сына, а тот домой не поедет, он вздумает вести войну, и император нехотя выдаст Алексея отцу».

Эти слова вновь вызвали у царевича душевное смятение, и он написал записку Толстому с просьбой прийти к нему без Румянцева, которого царевич боялся как представителя сыскного ведомства. Придя в замок, Толстой как бы подтвердил слова Вайнгарда, рассказав, что получил письмо от государя, который собирает войско в Польше, чтобы достать оружием своего сына. Энергичная и согласованная атака на царевича дала свои результаты, и Алексей со слезами на глазах сказал Толстому: «Я бы поехал к отцу, только бы он не отнял у меня Евфросинии и доволил жить с ней в деревне».

И тут опытный дипломат увидел узкую лазейку: если бы удалось убедить непутевого царского отпрыска в невозможности бракосочетания с Евфросинией здесь в империи, то его пребывание в ней теряло бы всякий смысл. После достаточно продолжительных раздумий и бесед с Толстым Даун пришел к выводу, что выполнение просьбы посланца русского царя не будет противоречить инструкции, полученной из Хоффбурга. Он отправился к Алексею и объяснил ему, что Императорское Величество продолжает надеяться на скорое примирение сына со своим великим отцом, препятствием которому являются недозволительно близкие отношения с некой персоной женского пола, поэтому его Императорское Величество был бы весьма удовлетворен, если б в скором времени узнал, что оная персона больше не будет препятствовать возвращению сына в отцовские объятия.

Студия интерьерного дизайна в Австрии
www.anastasia-interior.com

Выслушав с большим душевным трепетом этот дипломатический пассаж, царевич попросил Дауна подождать его ответ до утра. Первое, что пришло ему в голову – попросить убежища у Папы Римского. Евфросиния, которая обычно поддерживала все действия Алексея, неожиданно с большим раздражением выказала свое несогласие.

Не мешкая начали собираться в дорогу. При этом Алексей передал Евфросинии «для большей сохранности» копии двух своих посланий в Россию и ряд других весьма важных документов. Видимо, это было еще одним пунктом перемирия. На следующий день о решении было объявлено Толстому, и тот, хотя и не имел на то полномочий, дал словесное согласие на выдвинутые царевичем условия возвращения в Россию.

В тот же день дипломат послал царю донесение о благополучном исходе своего «предприятия», выполненного «лучше всякого ожидания». В этом письме Толстой высказал свое мнение о желательности женитьбы царевича: «С одной стороны, это уронит его в глазах кесаря и весь свет будет видеть, что сын ушел от отца из-за этой девки, а в своем государстве всяк увидит, кто есть этот царевич».

14 октября, в необычайно хмурое для Неаполя утро, Алексей и «персона женского пола» порознь покинули город. В дороге царевич беспрестанно досаждал «дядькам» просьбами разрешить ему обвенчаться за границей до приезда в Россию, а те отговари-

Недвижимость в Европе от застройщиков:

**современные
виллы, квартиры,
отели в Испании,
Черногории,
Германии**

+43 0 677 619 477 86

E-mail: korsunhelen@gmail.com, Елена Корсун

**BRYKOFF
INNENAUSBAU**
ВСЕ ВИДЫ ВНУТРЕННИХ И НАРУЖНЫХ
СТРОИТЕЛЬНО-МОНТАЖНЫХ РАБОТ

Ремонт жилых и пром. помещений.

Замена электро-водо-отопи-
тельных систем. Лицензии

Мы говорим по-русски

Моб.: +43 676 72 84 399 Тел.: +43 1 913 2003

E-mail: brykoff@gmx.at

▲ Пётр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе

вали – боялись, как бы слабовольный царевич не изменил своего решения. Особенное беспокойство вызывал переезд через Вену, который решено было осуществить без остановки ночью. Переправившись через Дунай, «дядьки» вздохнули с облегчением, но, как оказалось, рано. Экипаж был задержан в Брно, где губернатору Моравии графу Колоредо было поручено узнать у царского сына, почему тот проехал Вену и не явился к императору. Были высказаны подозрения, что свояка римского кесаря увозят из империи не по его воле, и ему предложили в этом случае остаться под протекцией Карла VI. Толстой упорно не хотел допускать кого бы то ни было к безвольному царевичу, а Колоредо продолжал настаивать на своем. Наконец пришло письмо от Петра, в котором он давал согласие на брак Алексея с Евфросинией, но с условием, что венчание произойдет в пределах России «для избежания большого срама». Теперь можно было надеяться, что после получения такой благоприятной вести царевич при встрече с представителем Хоффбурга не выкинет какого-нибудь недозволенного дипломатии коленца. После разучивания текста ответа, сочиненного Толстым, что было довольно сложным делом, Алексей смог встретиться с Колоредо и дал такое объяснение: «Это произошло по причине дорожных обстоятельств, от трудности явиться ко двору в приличном экипаже и с приличной обстановкой». Колоредо ничего не оставалось делать, как дозволить путникам ехать дальше. Видимо, таким способом Хоффбург

на виду у всей Европы смог умыть руки после проведения этой не совсем чистой операции. Царевич же, обнадеженный письмом отца, успокоился и повел интенсивную переписку с предполагаемой супругой, в частности, затрагивал вопрос об имени будущего ребенка.

31 января Алексей был доставлен в Москву, где его уже ожидал отец. Сын упал к ногам родителя и, заливаясь слезами, просил прощения.

«Я покажу тебе милость, – сказал Петр, – но только ты должен отречься от наследства и указать тех, которые присоветовали тебе бежать за границу к кесарю».

В тот же день в Успенском соборе Кремля, где покоялся прах всех допетровских царей, царевич подписал клятвенное обещание: «Никогда, ни в какое время не искасть, не желать и ни под каким предлогом не принимать престола, а признавать истинным наследником своего брата – Петра Петровича». Церемония была очень торжественной: Евангелие, иерархи церкви, царь Петр с высшими государственными чинами и, наконец, прах усопших царей были свидетелями этого события.

Следуя воле отца, Алексей открыл имена всех причастных к его бегству. Казалось бы, на этом все должно было закончиться, и Петр вместе с покаявшимся во всех грехах и полностью подчинившимся его воле сыном отправился в Петербург.

12 апреля, на Пасху, Алексей явился с поздравлениями к мачехе, валялся у нее в ногах и умолял ходатайствовать перед отцом о дозволении жениться на

▲ Отречение царевича Алексея Петровича от престола в Успенском соборе

Евфросинии. В конце месяца та приехала в Петербург, но вместо объятий царевича угостила прямо в Петропавловскую крепость, где в положенный срок и разрешилась от бремени. О судьбе ребенка нам, к сожалению, доподлинно ничего не известно.

Едва оправившуюся от родов Евфросинию подвергли допросу, и она на первой же встрече с чиновниками тайной канцелярии повела себя так, как если бы была ими же приставлена к Алексею в качестве соглядатая. Прежде всего она выложила на стол копии посланий царевича Сенату и духовенству и другие важные документы, переданные ей на хранение Алексеем еще в Неаполе. Из них следовало, что «заблуждения» царевича возникли вовсе не вследствие злого умысла окружавших его лиц, а по его собственной инициативе.

Об этом вскоре стало известно Екатерине, и она, недовольная мерой наказания Алексея и опасавшаяся, что в случае смерти Петра он, несмотря на клятву в Успенском соборе, все равно взойдет на престол, надавила на супруга. Царевича арестовали, учинили допросы и подвергли пыткам. Результаты следствия были представлены специальному суду, который вынес ему смертный приговор. Правда, приводить его в исполнение не пришлось, так как Алексей умер сам, не выдержав пыток.

Профессор Александр Зиничев
«Новый Венский журнал» № 4/2003